

Бум... Бум... Бум...

Сян Цзя возвращался к жизни медленно, выплывая из глухой, беспрецедентной тьмы. Голова раскалывалась так, словно по затылку со всей силы приложили увесистой дубиной. В ушах противно звенело, а веки казались налитыми свинцом — не разлепить.

Он отчетливо помнил, как еще мгновение назад его мучило от дорожной тряски в душном автобусе. Но куда всё делось? Почему под ним больше не качается сиденье?

Бум... Бум...

«Неужели похищение? Но в памяти не осталось ни единого намека на людей в масках или угрозы».

Бум...

Да что же так грохочет?! С ума сойти можно!

Раздражение придало Сян Цзя сил. Он попытался открыть глаза, но тщетно — голова закружилась с новой силой, угрожая увлечь его обратно в зыбкое забытие.

Назойливый стук не прекращался. Глаза словно склеились, зато окружающий гул становился все отчетливее. С трудом подняв руку, Сян Цзя потер веки и наконец сумел приоткрыть глаза.

Первым, что он увидел, был мягкий белый свет. Над ним высился величественный белоснежный купол, расписанный золотом, но из-за пелены перед глазами детали пока ускользали.

— О, гляди, тот парень очнулся, — раздался неподалеку женский голос.

— Точно. Значит, осталось еще трое, — отозвался мужчина, и разговор затих.

Сян Цзя повернул голову. Дикая боль в висках постепенно утихала, возвращая зрению былую остроту. Он так и не понял, кто говорил: шагах в десяти от него кучковалась группа из полутора десятков человек. Кто-то стоял, кто-то сидел прямо на полу. Сам Сян Цзя лежал на самом краю этой площадки. Никто не спешил протянуть ему руку помощи или объяснить, что происходит. Троица, перекинувшись парой слов о его пробуждении, тут же потеряла к нему интерес.

Все лица казались смутно знакомыми. Обладая неплохой кратковременной памятью, Сян Цзя быстро сообразил: это пассажиры того самого злосчастного автобуса. Мужчины, женщины, старики и дети. Трое ребятишек всё еще спали без чувств, устроившись на коленях у женщин.

«Значит, "осталось трое" — это про спящих малышей, — подумал Сян Цзя, медленно принимая сидячее положение. — А я, выходит, очнулся четвертым с конца. Интересно, зависит ли скорость пробуждения от физической подготовки?»

В детстве он перенес тяжелую болезнь, после которой здоровье так и не восстановилось полностью. Добавьте к этому лень и затворнический образ жизни типичного домоседа — и получите слабака, который задыхался уже на первой сотне метров школьного кросса. Свои физические возможности Сян Цзя оценивал трезво и без иллюзий.

Раздражающий грохот возобновился. Теперь Сян Цзя отчетливо видел его источник.

Какой-то желтоволосый парень — Хун Цзэ — с силой пинал... пустоту. Самое поразительное, что воздух перед ним упруго пружинил, словно там стояла невидимая преграда. Удары парня были мощными, сокрушительными, однако прозрачная стена даже не всколыхнулась. Он не заикливался на одном месте: наносил пару ударов и смещался в сторону, постепенно приближаясь к толпе. Он явно искал брешь в этой невидимой клетке.

Этого хулиганистого юношу Сян Цзя запомнил еще в автобусе. Дерзкая одежда, кольцо в носу, целая россыпь сережек в ушах и вечно недовольная, свирепая физиономия, будто весь мир задолжал ему круглую сумму. В обычной жизни Сян Цзя держался бы от таких персонажей подальше — его хрупкое тело не выдержало бы и одного плотного удара.

Но сейчас упорство Хун Цзэ вызывало невольное уважение. Парень действовал решительно, не паниковал и пытался прощупать границы их заточения. Не такой уж он, оказывается, и пропащий.

Осмотрев присутствующих, Сян Цзя поднялся на ноги и принялся изучать обстановку.

Они находились в колоссальном зале, напоминающем королевский дворец. Белоснежный сводчатый потолок украшала тончайшая золотая вязь. Массивные колонны, отливающие золотом, уходили ввысь от идеально гладкого, светящегося пола. Стены покрывали тончайшие барельефы, изображающие невиданных созданий, чьи силуэты стремились к куполу.

От широкой белой лестницы в дальнем конце зала волной спускался тяжелый ковер глубокого королевского синего цвета с золотым шитьем. Резные деревянные перила оканчивались массивными изваяниями причудливых тварей. Величие и роскошь этого места завораживали, но в текущих обстоятельствах вызывали лишь тревогу. Стиль архитектуры совершенно не походил на китайский — скорее, напоминал старинные европейские резиденции.

Зачем кому-то понадобилось похищать целый автобус обычных людей и переносить их в это место? Что за безумный кукловод стоит за этим?

Сян Цзя незаметно похлопал себя по карманам. Отлично, бумажник на месте.

Черт. Телефона нет.

Он тихо вздохнул, решив не устраивать глупых расспросов. Было очевидно, что средства связи отобрали у всех без исключения. В противном случае хоть кто-то из этой толпы уже пытался бы дозвониться до полиции или родных. Современного человека невозможно представить без смартфона в руках в любой непонятной ситуации.

Окидывая взглядом Хун Цзэ, который продолжал методично пинать воздух, и сжавшуюся в кучу толпу пассажиров, Сян Цзя решил не терять времени даром и направился к стенам зала. Зрение у заядлого геймера и затворника, вопреки логике, оставалось превосходным — пожалуй, единственная деталь его организма, работавшая без перебоев. Сян Цзя заметил, что барельефы на стенах выглядят крайне странно. В условиях полной информационной блокады любая деталь могла стать ключом к разгадке.

Он приближался к ближайшей колонне. На ней скалилось длиннолапое восьминое чудовище, обвивающее ствол. Его глаза, вырезанные из ярко-красных самоцветов, тускло мерцали во влажном свете зала. Скульптурная работа поражала мастерством — каждый сустав, каждая чешуйка были проработаны с ювелирной точностью. Однако Сян Цзя, неплохо разбиравшийся в мифологии и играх, не смог определить вид этого существа.

Он осторожно протянул руку, собираясь коснуться камня, но его пальцы наткнулись на упругое сопротивление примерно в десяти сантиметрах от поверхности.

«Значит, колонны тоже под защитой силового поля», — мысленно зафиксировал он и перевел взгляд на стены.

Невидимый барьер шел вдоль стен на расстоянии пяти-шести метров. Сян Цзя остановился напротив барельефа, изображавшего Химеру — существо с львиной головой и козьим туловищем. Чудовище замерло в безмолвном крике, его змеиный хвост изгибался так естественно, что, казалось, можно разглядеть шероховатость каждой чешуйки.

Левее Химеры свивался кольцами исполинский питон с полуоткрытой пастью и раздвоенным жалом; его взгляд дышал первобытной свирепостью. Еще дальше из каменных волн вздымалась сирена, сложив мокрые ладони в безмолвном пении.

Эти барельефы были шедеврами мирового уровня. Сколько же сил ушло на создание десятков тысяч подобных скульптур в этом исполинском зале? Какой безумный богач мог нанять целую армию гениальных мастеров ради такой прихоти?

Впрочем, глядя на мерцающие силовые поля и вспоминая, как легко их группу перенесли сюда прямо из движущегося автобуса, Сян Цзя больше не пытался искать рациональные, человеческие объяснения. Происходящее явно выходило за рамки земных технологий.

В этот момент один из спящих детей завозился, потер глаза и, осознав, что находится в

незнакомом пугающем месте среди чужих людей, разразился оглушительным, истощным ревом.

— Мама! Папа! А-а-а-а!

Началась настоящая пытка звуком. Детский плач в замкнутом пространстве — оружие массового поражения.

Старушка Чжоу попыталась подойти к мальчику, чтобы успокоить его, но тот лишь закричал громче и попятился. Почувствовав внимание взрослых, ребенок с размаху уселся на пол и ушел в классическую истерику:

— Хочу к маме! Хочу к папе! У-у-у-у!

Худший сценарий из возможных: избалованный, неуправляемый капризник в критической ситуации.

Сян Цзя зажал уши ладонями.

«Я глухой. Я ничего не слышу. Меня здесь вообще нет», — привычно принялся убеждать себя он.

Как законченный затворник, Сян Цзя понятия не имел, как вести себя с детьми, особенно когда те переходили в режим неконтролируемого ультразвукового визга.

Ситуация грозила стать катастрофической: второй ребенок, кудрявый карапуз, тоже захлюпал носом, глядя на ревущего товарища.

Старушка Чжоу поспешно отступила, оставив попытки утихомирить детей. Зато вперед выступил здоровяк с густой щетиной и свирепым лицом.

— Да твою же мать! — рявкнул он, вылупив глаза. — Заткнись, мелкий ублюдок! А ну прекрати этот вой!

Первый мальчишка на секунду осекся от испуга, а затем взвыл с утроенной силой. Второй оказался сообразительнее: мигом проглотил слезы и шмыгнул за спину стоявшей рядом женщины.

Мужчина со щетиной, окончательно потеряв терпение, сделал широкий шаг вперед, намереваясь силой заткнуть горлопана. Однако не успел он преодолеть и пары метров, как под сводами зала зазвучал глубокий, ровный механический голос:

[Инцидент UD-379+52. Сбор людей завершен]

[Консьерж 69973 приветствует вас]

Одновременно с этим звуком тихо застонала и открыла глаза последняя девочка.

Раздался резкий хлопок, и сверху, кружась, посыпались разноцветные конфетти, устилая пол сверкающим ковром.

На верхней площадке парадной лестницы возникла упитанная, круглая фигура гигантской панды. Подняв пухлые лапы в приветственном жесте, он зычно объявил:

[До-о-орогие человеческие друзья! Добро пожаловать в нашу Игру монстров!!!]

— А-а-а! Монстр! Мама! — завопил плачущий ребенок.

Зрелище стоящей на задних лапах прямоходящей панды, говорящей человеческим голосом, оказалось слишком тяжелым испытанием для неокрепшей детской психики. Мальчишка, размазывая по лицу слезы и сопли, в ужасе бросился бежать прочь от толпы.

Никто не попытался его остановить.

Панда-консьерж вежливо кашлянул, стараясь перекрыть детский крик:

[Кхм-кхм! Многоуважаемый гость, просим вас прекратить истерику и немедленно вернуться к вашим соплеменникам. Наша игра вот-вот начнется]

Сян Цзя тихо, стараясь не привлекать внимания, скользнул назад, за спины остальных пассажиров.

[Ой, а почему там, в стороне, еще один гость отстает от группы? Пожалуйста, вернитесь к товарищам, игра вот-вот начнется]

На этот раз панда обращался к Хун Цзэ, который ушел довольно далеко. Парень проявил завидное самообладание: прекратил пинать невидимый барьер и быстрым шагом вернулся к толпе.

Тем временем обезумевший от страха мальчик с разбегу врезался в прозрачную силовую стену. Он бился о нее, не соображая, что делает.

Панда-консьерж, покачивая толстым задом, начал медленно и с напускным изяществом

спускаться по синей ковровой дорожке, продолжая вещать:

[Уважаемый гость, вернитесь к своим спутникам! Мы начинаем игру, вам запрещено находиться так близко к границе]

Но испуганный ребенок, ослепленный ужасом, ничего не слышал. Его дикий рев разносился эхом под сводами зала. Сян Цзя подумал, что пацан сейчас просто не способен воспринимать человеческую речь.

[Первое предупреждение! Дорогой гость, прекратите плач и немедленно подойдите к группе]

[Второе предупреждение!!! Уважаемый гость, вы сознательно саботируете нашу игру?]

На круглой морде панды отразилась забавная, почти человеческая обида. Он что-то тихо пробурчал себе под нос — Сян Цзя не смог разобрать слов.

В следующий миг в огромных черных глазах плюшевого монстра полыхнуло багровое пламя. Панда поднял мохнатые лапы над головой.

[Один из почетных гостей саботирует игровой процесс. Согласно протоколу Консьержа 69973, данный участник подлежит исключению]

Сян Цзя не успел осмыслить значение слова «дисквалификация».

Панда резко хлопнул в ладоши.

Раздался негромкий, сухой шлепок.

Истошный детский визг оборвался мгновенно.

В колоссальном, залитом светом зале маленького мальчика больше не было.

<http://bllate.org/book/19402/1934118>